

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ – РОДИНА ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ РАННИХ НОМАДОВ?

В.А. Новоженев¹, М.В. Бедельбаева²

¹Центр сближения культур ЮНЕСКО,

г. Алматы, Казахстан

²Карагандинский университет им. Е.А. Букетова,

г. Караганда, Казахстан

Аннотация. Скифо-сакский звериный стиль, его причудливые, фантазмагоричные образы и их территориальное распространение в синхронных памятниках на огромной территории Евразийского континента – яркое свидетельство развитых трансконтинентальных изобразительных, а по сути – знаковых и образных коммуникаций ранних кочевников в этот период. Феномен происхождения этого стиля и его географическое распространение, расшифровка образов и коммуникативных посланий, очевидно, находит свои истоки и в казахстанских памятниках, ярко демонстрируя свою преемственность, своеобразие и истоки в местных изобразительных традициях эпохи бронзы.

Ключевые слова: петроглифы, статуарные изваяния, оленные камни, кони в масках с рогами, шань-жуны, волко-драконы, Бетпақдала, карасукская изобразительная традиция, бегазы-дандыбаевская культура.

Источник финансирования: Работа выполнена по гранту Министерства высшего образования и науки РК «Реконструкция историко-культурных ландшафтов древней Бетпақдалы» (АР 19679947).

Яркие артефакты, выполненные в знаменитом скифо-сибирском зверином стиле и в большом количестве обнаруженные повсюду в археологических памятниках Великого пояса степей Евразии, убедительно доказывают наличие трансконтинентальных изобразительных коммуникаций, которые позволяли разным по языкам и этническому происхождению кланам ранних кочевников общаться между собой, торговать, обмениваться товарами, идеями, информацией, своими культурными достижениями и находить общий «язык», успешно развиваться, в том числе и посредством понятных им визуальных анималистических образов. Очевидно, что мифологическое содержание этих универсальных образов, их тайный смысл были хорошо понятны всем степнякам и на западе, и на востоке, независимо от их этнического происхождения и языка, на котором они говорили.

Наряду с петроглифами, этот изобразительный стиль представлен декоративными предметами [Чугунов 2015а: 389-404] из раскопанных повсеместно курганов, многочисленными находками «золотых людей» с комплексным набором вооружения, украшений и парадных коней, а также мегалитическими статуарными памятниками – в виде

классических оленных камней разных типов в основном на востоке Казахской степи в предгорных регионах Алтая; а также в виде статуарных антропоморфных изваяний-«балбалов» – в степных, равнинных районах вплоть до раннесарматского святилища Байте III на плато Устюрт на западе.

Приоритет в кочевых социумах вербальной и визуальной (изобразительной) коммуникативной традиции в противоположность письменной также объясняется мобильным способом повседневной жизнедеятельности, при том, что уже существовали достаточно сложные образцы знаковой коммуникации. Так, письменность ранних кочевников (иссыкское письмо) зафиксирована в сакских памятниках Жетысу – на дне чаши из погребения в кургане Иссык [Акишев 1973; 1978; Акишев К., Акишев А. 1978], примитивные знаки коммуникации появляются на предметах из бегазы-дандыбаевского протогорода Кент. В казахстанской историографии продолжает быть актуальным вопрос о происхождении, распространении и истоках искусства скифов и саков и так называемого «звериного стиля».

Существует предположение о том, что изделия из иранского Луристана оказали влияние на это искусство [Членова 1972; 1976; 1984; 1996; 1997]. В.Г. Луконин [1977: 25] даже употребил такой термин для изделий, датированных X–VIII вв. до н. э., – «луристанская цитата». Однако эти аналогии «скифским цитатам» – только иконографические и композиционные, стилистически они различные.

Истоки звериного декора, находящие параллели в степях Казахстана, уходят далеко на запад и на восток. Обильно декорированные металлические, каменные или роговые (костяные) предметы известны начиная со времен первобытности, ранних городских цивилизаций и государств на Ближнем Востоке. Находки ценных металлических вещей с выраженной символической нагрузкой в культовых, храмовых комплексах Ближнего Востока, в погребениях элиты указывают на социально-знаковый аспект этих находок, подчеркивая функцию общественного лидера как гаранта благополучия и общественного порядка, организатора обрядов и всех важнейших церемоний в социуме.

К.В. Чугунов предположил, что в ареале Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) возник синтез культур оседлых земледельцев и животноводов Великой степи еще в середине II тыс. до н. э., который привел к возникновению искусства звериного стиля ранних кочевников [2016: 246]. Сторонники центральноазиатской концепции допускают значительное влияние художественных традиций цивилизаций Древнего Востока на степное искусство. Эта гипотеза также

предполагает функционирование более ранних трансконтинентальных контактов, которые могли быть проводником этих традиций. Миграции населения, передвижения на большие расстояния военизированных сообществ в период, переходный к раннему железному веку, отражаются в символике колесничной и конской упряжи, а также жезлов и других ритуальных предметов, отображая характер сложной исторической и этнокультурной ситуации в Евразийской степи.

С другой стороны, многие исследователи согласны с гипотезой о зарождении скифо-сакского звериного стиля в районах Ордоса, Внутренней Монголии, в степях пограничных с Великой китайской равниной [Деопик 1979: 62-67; Крюков и др. 1978:183, 184; Савинов 1998: 132-136; Ковалёв 1998: 122-131; 2014; Пьянков 2013; 2015: 233-236 и др.] откуда он стал распространяться вместе с кочевыми кланами на запад и на юг континента как важная составляющая знаменитой «скифской триады».

Скифоидные культуры, изученные в последнее время на территории западного и северного Китая, рассматриваются многими исследователями в качестве примера зарождения искусства звериного стиля ранних кочевников [Ковалев 1998: 122-131; Шульга 2023]. Наиболее ранние материалы этих памятников, в основном, датируются VIII в. до н. э. и расположены к северо-востоку от излучины Хуанхэ, в провинции Хэбэй и в китайской историографии связаны с *горными жунами (шань-жунами)*.

Независимо от того, какая из предложенных гипотез происхождения звериного стиля окажется истиной, очевидно, что территория Казахстана является ключевой для прояснения данного вопроса и местные находки имеют огромное значение в формировании изобразительной традиции ранних кочевников.

Вместе с тем, мы предполагаем и полицентричную модель возникновения этого стиля, поскольку носители и хранители его, вожди или жрецы-шаманы, составляющие элиту своих кланов, владевшие особенностями иконографии и посвященные в таинство его канонов, были важными членами продвинутых и развитых во всех отношениях сообществах (коллективах) местных степных кочевников и оказывались вполне способными быстро передвигаться в пространстве и подчинять себе менее развитые степные социумы, насаждая в их среде свойственные им художественные каноны и мифологические представления как способ воздействия на покорённый социум и уже на новых местах создавать местные очаги развития этого стиля. Такие нововведения оказывались понятными аборигенному населению

и очевидно не противоречили коренным образом их собственным мифологическим представлениям, а лишь требовали незначительной корректировки и правки. Именно с этой особенностью связано такое быстрое по меркам истории распространение канонов звериного стиля по всей западной части степной Евразии и многочисленные подновления и «исправления» петроглифов эпохи бронзы на скалах в азиатской части континента.

Несомненно, это был достаточно продолжительный по времени процесс, мобильный и длительный, который напрямую зависел от конкретных маршрутов возвратно-поступательного продвижения некоторых кланов ранних кочевников на запад и юг. На новых местах и кочевьях в результате активных контактов с местным населением (в случаях, когда оно не ассимилировалось и не вытеснялось с захваченной территории) происходила естественная трансформация и развитие изобразительной традиции – возникал локальный очаг её формирования, который самостоятельно развивался со своими особенностями в конкретных регионах.

Эта модель совсем не противоречит наличию единого центра, из которого процесс был изначально инициирован. Действительно, этот стиль и сама изобразительная традиция могли возникнуть только в таком месте, в такой среде и социуме, где удачно сочетались два важных условия: очень развитые и традиционные навыки художественной резьбы по дереву, камню, кости и очень развитая металлообработка, а именно – изысканное литьё бронзы в каменных формах сложных конфигураций и мелких деталей со значительным содержанием олова (или свинца, или серебра или других примесей) в качестве лигатуры для повышения текучести металла и там, где в социуме существовали развитые и устойчивые изобразительные коммуникации, традиционные и сложные мифологические представления о конкретных, порой фантастических, образах животных, возможных тотемах – основных мотивах скифо-сакского звериного стиля.

Но очень скоро появлялись новые региональные центры развития этой традиции, что связано с очевидными значительными разнонаправленными и циклическими перемещениями населения. В этих новых центрах каноны звериного стиля творчески развивались и перерабатывались согласно собственным местным изобразительным традициям и мифологическим представлениям.

Примечательным в этой связи представляется поразительная трансформация основных элементов индоевропейского мифа о сотворении человека и его изобразительного ряда (нарратива) с основными

1

2

Рис. 1. Казахстан. Сарыарка. Бесобинская равнина. Изображение коня в «рогатой» маске.
1 – Петроглифы Коныржон. Общий вид плиты с петроглифами и детали. Фото и прорисовка авторов. 2 – Восточный Казахстан. Могильник Берель. Реконструкция Крыма Алтынбекова [2014]

образами из мифологии жунов: оленя, волка (или собаки) и какого-то фантастического существа – свернувшегося в кольцо хищника, имеющего черты и волка, и дракона [Ахинжанов 1995: 80-87; Новоженев 2017; 2019; 2020].

Классический этап в рассматриваемой изобразительной традиции связан с памятниками типа Майемир и Келермес и уже к середине VII в до н. э. скифо-сакский звериный стиль в искусстве ранних кочевников распространился в достаточно канонизированном виде и как часть «скифской триады» далеко на запад и на юг по степным просторам Евразийского континента как в виде высокохудожественных элитарных предметов – украшений, ритуальных сосудов и богато декорированного оружия, так и в виде мегалитических изобразительных памятников – наскальных изображений, оленных камней разных типов и статуарных антропоморфных изваяний.

Петроглифы. Следует признать, что в наскальном искусстве казахских степей, в отличие от южных предгорий, лишь изредка, в сравнении с петроглифами бронзового времени, прослеживаются художественные образы ранних кочевников, хорошо известные в других синхронных изобразительных памятниках Евразии, либо аналогичные представительной серии сакских петроглифов этого же периода в Саяно-Алтае или Синьцзяне [Байпаков, Марьяшев 2004; 2008; 2009; 2013: 4-20].

Некоторые исследователи объясняют это литологическими условиями Казахского мелкосопочника, когда подходящие для нанесения изображений ровные и гладкие поверхности скал оказались уже заняты петроглифами эпохи бронзы. Кроме этого, существенную роль сыграл экологический (климатический) фактор. Для населения Центрального Казахстана в раннесакское время имелось меньше возможностей ведения комплексных форм хозяйства и сложившиеся ритмы животноводства определенным образом повлияли на культуру в целом и на древнее искусство [Бейсенов, Марьяшев 2014: 55].

Действительно удобных каменных плит – плоскостей-«холстов», расположенных в нужных местах степи, древним художникам в это время уже было явно недостаточно в сравнении с предгорными и горными южными районами, в которые они из степи вынуждены кочевать на жайляу, в плодородные высокогорные долины, в том числе и потому, что климат в степи стал более аридным и резко-континентальным. В результате этих процессов кланы – носители этой изобразительной традиции вынуждены были уходить из степи на новые, богатые водой и травой кочевья и на жайляу в южные и восточные предгорные и горные

районы пограничные с Сарыаркой: Тарбагатай, Жетысу, в предгорья Заилийского Алатау, либо всё дальше и дальше на запад – в предгорья Урала, осваивая новые степные пространства в поисках лучшей доли для себя и сочных кормов для своих домашних животных.

Существенные изменения в иконографии старых образов эпохи бронзы в этот период и стратиграфические наблюдения, позволяют уверенно говорить о формировании раннего этапа и некоторых канонов зарождающегося скифо-сакского звериного стиля в изобразительных памятниках Сарыарки, Тарбагатай и Жетысу, относить этот регион к одному из очагов возникновения скифо-сакского звериного стиля. Это нашло конкретное отражение в иконографии и репертуаре местных петроглифов и художественном творчестве аборигенного населения.

Видовой состав животных, выполненных на скалах Сарыарки в скифо-сакском стиле, ограничен и представлен, в основном, в натуралистической и частично в абстрактной, очень ранней манере. Скифо-сакская изобразительная традиция связывается с выделенным в байконурских петроглифах стратиграфическим методом третьим пластом изображений, который представлен животными в уже сформировавшемся скифо-сакском зверином стиле, ноги у которых подогнуты к корпусу, а сами животные изображены в динамичной позе [Новожинов 2002]. К этому пласту отнесено также изображение оленя со своеобразной трактовкой морды в виде птичьего клюва из Теректы Аулие [Самашев и др. 2013: 105, рис. 34]; конь в маске и с «рогом» на голове (Коныржон, плита 5); различные хищники; сайгаки; антилопы; кабаны и сцены нападения хищников на быка – сцены терзания (Байконур III, плита 16). Датированной также является сцена борьбы двух верблюдов (Байконур II, плита 3), которая находит прямые аналогии с сарматской бляшкой из могильника Пятимары I с аналогичным сюжетом и абсолютно совпадает с такой же сценой на скалах хребта Каратау [Кадырбаев, Марьяшев 1977: 209, рис. 108; Новожинов 2002: 4-52, рис. 14]. В репертуаре скифо-сакской изобразительной традиции Сарыарки широко представлены типичные для этого времени изображения хищных зверей, кабанов, фантастических хищников, а также оленей с ветвистыми рогами, горных баранов, архаров и сцен терзания.

В петроглифах Коныржон (рис. 1) представлен уникальный образ коня в ритуальной маске с «рогом» на голове [Бедельбаева, Новожинов 2015], аналогичный найденным сакским погребениям коней в курганах Берель на Казахском Алтае [Самашев 2011], в Пазырыкских и Туэктинских курганах [Грязнов 1937; 1950; Руденко 1953; 1960; Алтынбеков 2014]. Аналогичные петроглифы лошадей с рогами найдены

на южной границе Казахского мелкосопочника, в Чу-Илийских горах, на территории Жамбылской области, в урочище Анкельды [Новоженов 2014: 86-87] в сочетании с изображением колесницы-квадриги.

Лошадь в маске с рогами, изображенная на скале в окрестностях пос. Бесоба, аналогичная найденным коням, погребенным в алтайских курганах пазырыкского времени (могильники Берел, Пазырык, Туэкта и др.) – яркий факт, доказывающий трансформацию былых образов бронзового времени и формирование новой мифологии и традиций.

Канон изображения, будь это тотемное животное или сцена, стиль или выбранный сюжет, а в данном случае – изображение коня в ритуальной маске, начинает приобретать в это время новую регламентирующую и очевидную магическую силу. Упомянутый выше третий пласт байконурских петроглифов, выделенный на основании стратиграфических наблюдений, полностью соответствует новым канонам скифо-сакского звериного стиля, новым реалиям в социуме и однозначно соотносится с периодом второй и третьей волн трансконтинентальной миграции ранних кочевников, датируемых VIII-VI вв до н. э. [Пьяков 2015; Таиров 2003 а; 2003 б].

Выделенная в рамках завершающего этапа существования скифо-сакского звериного стиля новая изобразительная традиция, связанная с кланами юэчжей, прямых, на наш взгляд, потомков тохаров, свидетельствует о глубокой трансформации и художественном переосмыслении старых образов и рождении в степи новых реалий и культов [Rogozhinsky, Yatsenko 2015: 109-125; Новоженов 2014]. При том, что образы и предания далеких предков юэчжей – тохаров бережно сохраняются и перерабатываются их потомками в раннекочевнической среде, находя своё новое воплощение в изобразительных памятниках Казахстана этого периода.

Новый период в истории ранних кочевников и их искусства несомненно связан с волнами миграции в эти края начиная с IV в. до н. э. теперь уже других элитных кланов – савиров-гуннов-хунну, которые инициировали новый «тектонический» сдвиг, привели в очередное движение всех аборигенных насельников степи и способствовали формированию здесь памятников коргантасского типа [Weisenov et al. 2016: 179-191] и вероятному появлению носителей своеобразного изобразительного стиля юэчжей в наскальном и прикладном искусстве, а также привели к созданию новых союзов и объединений кочевников в рамках глобального Великого переселения народов. Постепенно эти изменения привели к усилению и возвышению западных тюркских кланов и формированию новой, тюркской изобразительной традиции.

Статуарные объекты. Местные кочевые кланы развивали мегалитическую статуарную традицию в своих социумах, аккумулируя в ней локальный фольклор и изобразительный опыт. В результате она стала приобретать со временем новые формы – известные как оленные камни, менгиры, кулпытасы, койтасы [Тасмагамбетов 2001; 2003] или «каменные бабы» – балбалы [Ермоленко 2008]. Зафиксированное археологами «движение» оленных камней и статуарных изваяний в эпоху ранних кочевников с востока на запад, от Ордоса и Монголии до Причерноморских степей, как составной и важной части звериного стиля в «скифской триаде», рассматривается многими исследователями в качестве доказательства происхождения скифов из глубин Центральной Азии (Джунгарии) и, соответственно, получило название «джунгарской гипотезы» [Новоженов 2014; 2015б: 171-193; Novozhenov 2017; 2020; 2022; Ковалёв 2014: 133-139].

Количество таких памятников уже насчитывает несколько сотен и территориально они расположены в степных районах Северного Китая, Монголии, предгорьях Саяно-Алтая и в восточных пределах Сарыарки. Карасукская датировка этих камней не вызывает особых сомнений у исследователей, поскольку изображённые на них статусные пояса с портупей и подвешенным к ней оружием находят точные аналогии в хорошо датированных археологических материалах карасукской культуры [Волков 2002; Новгородова 1970]. Этот вид изобразительных источников может рассматриваться как своеобразный этнический индикатор. Географическое распространение таких антропоморфных стел далеко на запад континента картографирует продвижение самих носителей этой традиции [Ковалёв 2000: 138-180; 2001: 160-166].

Неоднократно предпринимались попытки классифицировать оленные камни Центральной Азии [Новгородова 1970; 1989; Членова 1996: 125-127; Савинов 1994; 1998; 2002; Волков, Новгородова 1975; Ковалёв, Эрдэнбаатар 2007: 99-105]. Выделены две изначальные традиции их изготовления, в том числе, монголо-забайкальская и саяно-алтайская [Ковалёв 2000: 165-173] и определены первоначальные регионы их происхождения, откуда они стали распространяться на запад континента и в Сарыарку [Новоженов 2012: 288-295; 2015б: 171-193]. Изучение истоков этой традиции привело к выводу о значительной иконографической близости чемурчекских статуй и скифских антропоморфов [Ковалёв 2014: 133-134; Ольховский, Евдокимов 1994; Ковалёв 1998; 2014].

Анализ воинских атрибутов и украшений, изображённых на оленных камнях, выявил много общего в ходе сравнения погребального об-

ряда Юйхуанмяо с изображениями на оленных камнях именно монголо-забайкальского типа, происходящим из местности Уушкин-увэр на левом берегу монгольской реки Мурэн [Волков 2002; Шульга 2012; 2015а; 2015б: 426-427].

В ушах воинов из Юйхуанмяо, как и на этих оленных камнях, зафиксированы характерные для забайкальских материалов кольцевидные серьги. При этом, к ним крепились бирюзовые бусины-подвески, не встречающиеся в культурах Южной Сибири и пока не найденные в Монголии [Савинов 1994: 107; Ковалёв 2001: 162]. На шее воинов находились ожерелья из бусин, обычно, не опускавшихся ниже ключиц. Там же располагались пекторали или заменявшие их шейные бляхи в виде лошади или тигра [Волков 2002: 82; Шульга 2015б: 426].

Кроме того, полностью совпадает набор и расположение оружия, характерный для ранних этапов Юйхуанмяо: топоры (клевцы, кельты) находились справа, а кинжалы слева; кинжалы и ножи составляли пары; гориты (колчаны) часто находились вместе с топорами. Анализ вооружения в погребениях и на оленных камнях привел к выводу о том, что среди основателей культуры юйхуанмяо было значительное количество выходцев из кочевой среды восточной части Монголии и Забайкалья, где распространены оленные камни именно монголо-забайкальского типа и «северные» черешковые трёхгранно-трёхлопастные наконечники стрел.

Добавим также поразительную повторяемость на всей серии известных оленных камней изображений оружия выделенного ранее комплекса колесничного вооружения и, особенно, специфических колесничных поясных блях в виде двойных крюков, аналогии которым известны именно в карасукских могилах, где они обнаружены на поясах погребённых колесничих [Новгородова 1970; 1989; Legrand 2004; 2006; 2008; Новоженев 2012; 2015а; 2020].

Касательно типологии рассматриваемых оленных камней монголо-забайкальского типа, коллекция изваяний из местности Уушкин-увэр также является эталонной [Волков 2002: 78-83]. Совершенно очевидно, что типологически в этой серии выделяются оленные камни из глыб гранита, строгих геометрических форм с нанесёнными на их грани изображениями, которые композиционно, по строго расположенным в конкретных зонах изображениям, соответствующим голове и ушам человека, украшенным серьгами, по нашейным пекторалаям-ожерельям или поясу с подвешенным к нему разными типами оружия, иногда – со щитом, достаточно абстрактно символизируют фигуру человека.

Вместе с тем, в этом комплексе зафиксировано и совершенно реалистичное, статуарное изваяние человека (стела № 14), голова которого оформлена в виде скульптурного портрета – рельефного удлинённого лица, с широкими и сильно выступающими скулами, мощными, тяжёлыми надбровьями и с длинным, узким носом. Резко очерченные губы выступают вперёд, уши переданы рельефным валиком с висящими в них серьгами [Волков 2002: 82-83; Волков, Новгородова 1975: 78-84].

Полевые исследования выявили новые погребённые здесь стелы, подтвердили ритуальный характер возведённых вокруг каменных конструкций, редких находок и особых катакомб, а главное – доказали предположение об использовании этих комплексов как кенотафов, возведённых в память об умерших на чужбине воинах. В ряде случаев здесь обнаружены ритуальные погребения самих изваяний, замещающих и символизирующих этих умерших воинов [Kovaliov et al. 2016: 90-91].

В целом, именно племена карасукского типа и их дериваты активно развивали статуарную мегалитическую традицию установки антропоморфных каменных изваяний этих двух типов: реалистичных статуарных и стилизованных антропоморфных, оленных камней, своеобразных культовых кенотафов – комплексов почитания воинов-колесничих – первопредков-аруахов. Представление об этих комплексах как кенотафах уже высказанное исследователями, очевидно, наиболее всего соответствует исторической реальности [Ковалёв и др. 2014: 41–54; Kovaliov et al. 2016: 82-92]. Позднее, во времена ранних кочевников, и в тюркский период, такие статуарные памятники выполняли важную функцию поминовения и почитания своих первопредков, в том числе и погибших во время длительных и, судя по-всему, многочисленных военных походов их знатных воинов-вождей.

В последние годы на степных просторах Казахской степи всё чаще обнаруживаются проявления этой мегалитической статуарной традиции именно в двух указанных выше линиях развития. В степных предгорьях Алтая, в Тарбагатае, рядом с сёлами Жартас и Ойшилик обнаружены классические оленные камни стилизованного антропоморфного типа с изображением поясной бляшки колесничего [Самашев 2013: 44-46; Новоженов 2015б: 171-179], а в тасмолинских памятниках известны стелы (менгиры), найденные в насыпях курганов раннего этапа (Нуркен-2, Талды-2, Тандайлы-2, к. 2). Тасмолинские окологурганые жертвенники, изваяния, культовые камни в виде менгиров и стел генетически связаны с памятниками предшествующей бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана [Бейсенов 2015: 35].

В Сарыарке также известно порядка 20-ти изваяний ранних кочевников статуарно-реалистического типа [Ермоленко и др. 2015] ещё шесть таких статуарных изваяний опубликованы [Бейсенов 2014: 7-16; Бейсенов, Ермоленко 2015; Хабдулина 2015: 372-375].

Сейчас можно сказать, что сарыаркинские каменные изваяния весьма близки иконографии некоторых чемурчекских изваяний и скульптур из мангышлакского раннесарматского святилища Байте III по особой манере изображения округлых глаз, рта и головы. Скульптуры эти явно свидетельствуют о высоком статусе воплощённых в них предков. И это есть факт их явной принадлежности к рассматриваемой здесь единой статуарной многовековой традиции, которая позднее продолжилась и в тюркское время.

В результате подробного изучения особенностей иконографии этих скульптур выясняется, что одним из важных признаков статуарных изваяний ранних кочевников является наличие своеобразной прически с «шишкообразным выступом», сопоставимым с чубом [Бейсенов, Ермоленко 2014; Хабдулина 2015]. В культуре кочевых народов это было распространенным явлением. Например, у казахов известны такие особенности прически, как кекіл, когда оставленная на голове прядь волос ниспадает вперед, на лоб, и айдар – более длинная прядь волос, ниспадающая назад, на затылок или вбок. При этом, айдар мог быть заплетен, украшен камешками, кусочками цветной материи и по фольклорным данным соответствовал статусу знатных людей в казахском обществе [Бейсенов 2015: 35].

Таким образом, изначально, в рамках выделенного и поддержанного многими исследователями оленных камней монгольско-забайкальского типа выделяются две линии развития: абстрактно-условная, наиболее полно соответствующая канонам звериного стиля, от которой пошли менгиры, кулпытасы, разного вида поминальные стелы, зачастую без каких-либо опознавательных знаков и статуарно-реалистическая, от которой стали развиваться в степи на этом новом этапе статуарные рельефные памятники – каменные антропоморфные изваяния (бабы-балбалы). Возможно, такое разделение оленных камней на два вида свидетельствует о социальном статусе воплощённого в ней героя – статуарные изваяния возводились исключительно в память о наиболее выдающихся предводителях – вождях-первопредках этих кланов.

Мы разделяем точку зрения о происхождении звериного стиля из карасукской среды [Савинов 1998: 132-136]. Именно в этот период прикладное искусство ранних кочевников обогащалось художественными

достижениями предшествующих социумов, в том числе – в наскальном творчестве, и активно взаимодействовало с иньской и чжоусской изобразительными традициями, а уже к VIII в до н. э. оформилось в своей классической форме. Наиболее ранние образцы этого искусства представлены в находках из кургана Аржан I с возможной датировкой IX в. до н. э. [Шер 1980] по стилистическим особенностям изображения оленей в так называемой позе «на цыпочках или на кончиках копыт» и с выступом на холке. Впрочем, такая датировка остаётся по-прежнему дискуссионной.

Говоря о культурно-исторической ситуации в Центральной и Средней Азии, в степной Евразии в конце II – начале I тыс. до н. э., специалисты связывают возникновение феномена бегазы-дандыбаевской культуры Казахстана с миграциями населения карасукоидного типа, среди достижений которых было владение приемами втульчатого бронзолитейного производства с оловом в качестве присадки, использование боевых колесниц и др. Возможно, эти племена связаны с более поздними киммерийцами и турами [Новоженов 2012: 332; 2020; Novozhenov 2022]. Результатом сложных этнокультурных процессов стал период стабилизации: формирование скифской, сакской и тагарской культур [Новоженов 2012: 356-357].

Ареал БДК включает территорию Казахской степи (возможно – западные отроги Алтая, Жетысу и Восточное Приаралье) и воспринимается как культурная общность населения эпохи финальной бронзы. Культура базировалась на яйлажном животноводстве и на разработке месторождений цветных металлов, в обществе выделилась милитаризованная элита, военизированные кланы кровных родственников. Активное и эффективное использование верховой лошади и боевых колесниц, передовых инноваций этого периода, обеспечивало «безопасность территории и торговых путей, по которым шли караваны с продуктами металлопроизводства и другими товарами, получаемыми взамен из отдаленных регионов» [Чугунов 2015б: 458-459, 460-461].

Бегазы-дандыбаевская культура вероятно связана с функционированием во второй половине II тыс. до н. э. так называемого «Великого оловянного» пути. Носители БДК на территории современного Казахстана, Алтая и Южной Сибири контролировали добычу и экспорт олова из казахстанских месторождений на запад по двум направлениям (через Средний Урал до Волго-Камья и южнее Урала через степное Поволжье в сторону Днепра). По этому же трансевразийскому «степному коридору» продвигались андроновские племена на запад [Yang

et al. 2020] и из Казахской степи на восток, на территорию Великой Китайской равнины и обратно [Новоженков 2020: 529].

Казахстанские археологи подчеркивают протогородской характер БДК с мощными городищами типа Кент или Мыржик в Сарыарке, с развитой социальной дифференциацией общества, передовой металлургией и с разнонаправленными активными культурно-историческими, торговыми контактами с крупными синхронными центрами на западе, востоке и на юге Евразии [Варфоломеев и др. 2017; Маргулан 1979]. В сложении этой культуры, в которой явно выделяется массовая – «народная» составляющая и сугубо элитарная, приняли участие кланы – носители традиций трансевразийской общности культур многоваликовой керамики, распространившихся далеко на запад, карасукские кланы с востока (северо-востока) и южные кланы, носители культуры распавшегося в это время БМАК.

В целом, реконструируется перемещение носителей БДК из Центрального Казахстана в Прииртышье и в западные предгорья Алтая в конце II тысячелетия до н. э. и волна переселенцев из внутренних районов Центральной Азии в начале I тысячелетия до н.э. в Казахстан и Туву [Чугунов 2015б: 461, 473; Таиров 2003а; 2003б; 2007; 2017]. Во второй половине VIII в. до н. э. в Туву переместилось значительное количество носителей казахстанских традиций, что подтверждается и распространением оловянных бронз из Центрального и Восточного Казахстана, в этот период на всей территории Казахстана происходит становление номадизма [Таиров 2007; Пьянков 2013].

Таким образом, для территории современного Казахстана и Саяно-Алтая определяющую роль в формировании ранних кочевых культур сыграли бегазы-дандыбаевский и центральноазиатский компоненты [Чугунов 2015б: 470, 476], при несомненных тесных контактах БДК со степным западным населением общности культур многоваликовой керамики западной Евразии и северных районов Китая.

Что касается территории Восточной Европы, то в начале VIII в. до н. э. предполагается значительный приток населения с востока, которое активно участвовало в формировании местных предскифских древностей и археологических культур. Появление в Причерноморье носителей новых традиций в виде двух последовательных миграций, связанных с перемещениями кочевников, вызванными экологическими изменениями в восточных областях степного пояса континента [Мурзин 2013; Чугунов 2015: 479-481; Таиров 2007; Пьянков 2013; 2015; Новоженков 2020]. С движением ираноязычных всадников из казахстанских степей на территорию Иранского плато в конце II тыс. до н. э. связа-

но распространение самых передовых идей и инноваций [Новоженов 2012: 329-330; 2020].

Зафиксированные в письменных источниках второй половины VIII в. до н. э. военные походы ранних кочевников в Переднюю Азию явно подтверждают активные контакты степняков с этими государствами, которые способствовали обмену товарами, предметами искусства, идеями, что убедительно подтверждается выявленными параллелями в искусстве ранних кочевников (например, саков Жетысу или пазырыкской культуры Алтая), а также казахстанскими находками в курганах сарматских племён предметов переднеазиатского происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 43-58.

Акишев К.А. Курган Иссык. М.: Искусство, 1978. 132 с.

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 38-63.

Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: опыт научной реставрации / Новоженов В.А. (отв. ред.). Алматы: Остров Крым, 2014. 364 с.

Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана (2 изд., исправленное). Алматы: Институт археологии имени А.Х.Маргулана, 1995. 296 с.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы в горах Кулжабасы. Алматы: Археологическая экспертиза, 2004. 22 с.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Потапов С.А. Петроглифы Тамгалы. Алматы: Институт археологии имени А.Х.Маргулана, 2006. 94 с.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Байтанаев Б.А. Новые петроглифы Каратау. Алматы, 2007. 37 с.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Баян-Журека. Алматы: Credos, 2008. 200 с.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Ак-Кайнара. Алматы: Credos, 2009. 104 с.

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Малого Каратау и западной оконечности Киргизского Алатау. Алматы: Археологическая экспертиза, 2013. 120 с.

Бейсенов А.З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые каменные изваяния Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 7-16.

Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана / А.З. Бейсенов (отв. ред.) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социокультурных процессов в степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии имени А. Х. Маргулана, 2015. С. 11-38.

Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). Т. 3. С. 36-40

Бейсенов А. З., Марьяшев А. Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: Хикари, 2014. 156 с.

Бедельбаева М.В., Новоженев В.А. Наскальные изображения урочища Коныржон / А.З. Бейсенов (отв. ред.) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социокультурных процессов в степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2015. С. 55-59.

Варфоломеев В.В., Ломан В.Г., Евдокимов В.В. Кент – город бронзового века в центре Казахских степей. Материалы и исследования по культурному наследию. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. Т. XI. 338 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2-е изд, 2002. 248 с.

Волков В.В., Новгородова Э.А. Оленные камни Уушкийн-увэр (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 78-84.

Грязнов М.П. Пазырыкский курган. М.-Л., 1937. 178 с.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 197 с.

Деопик Д.В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. Томск: Томский гос. пед. университет, 2008. 278 с.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний // Археология,

этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2002. № 3(11). С. 78-87.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник КемГУ. 2015. Вып. 1 (61). Т. 3. С. 26-32.

Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с.

Ковалёв А.А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Самбу И.У., Решетов А.М. (отв. ред.) Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 122-131.

Ковалёв А.А. О происхождении оленных камней западного региона // В.С. Ольховский (отв. ред.) Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Москва: Геос, 2000. С. 138-180.

Ковалёв А.А. О происхождении культуры оленных камней // И.Я. Фроянов, С.Н. Астахов (отв. ред.) // Евразия сквозь века. СПб.: Изд-во СПб университета и ИИМК РАН, 2001. С. 160-166.

Ковалёв А.А. Происхождение скифов из Джунгарии: основания гипотезы и ее современное состояние // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сборник памяти Е.Е. Кузьминой / Молодин В.И., Епимахов А.В. (отв. ред.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 124-137.

Ковалёв А.А., Эрденбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии // Тишкин А.А. (отв. ред.). Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: изд-во Алтайского университета, 2007. С. 99-105.

Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.

Луконин В.Г. Археологические памятники Ирана второго – первого тысячелетий до н.э. и новые поступления в отдел Востока // СГЭ. Л.: «Аврора». 1977. Вып. XLII. С. 46-51.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 336 с.

Мурзин В.Ю. Киммерийская проблема в европейском и азиатском контекстах / Бейсенов А.З. (отв. ред.) // Бегазы–дандыбаевская культура степной Евразии. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 137-149.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука, 1970. 176 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.

Новоженев В.А. Петроглифы Сарыарки. Алматы: Институт археологии имени А.Х.Маргулана, 2002. 125 с.

Новоженев В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. Под редакцией Е.Е. Кузьминой. М.: Таус, 2012. 500 с.

Новоженев В.А. Великая степь: человек в системе древних коммуникаций // Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии / Епимахов А.В. (гл. ред.) // Таинство этнической истории древнейших кочевников степной Евразии. Коллективная монография памяти Е.Е. Кузьминой. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 18-267.

Новоженев В.А. Колесный транспорт и евразийские коммуникации ранних кочевников // *Stratum plus*. 2015а. № 3. С. 57-88.

Новоженев В.А. Трансконтинентальные связи ранних кочевников (к проблеме происхождения киммерийцев) / А.З. Бейсенов (отв. ред.) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социокультурных процессов в степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2015б. С. 171-193.

Новоженев В.А. Индоиранская мифологическая традиция в петроглифах Казахстана и Центральной Азии: миф о сотворении человека и о «чудесной» повозке // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шёлковом пути / К.М.Байпаков (ред.), В.А.Новоженев (отв. ред.). Материалы международной научно-практической конференции 12–13 июня 2017 года. Алматы: Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, 2017. С. 334-358.

Новоженев В.А. Модель коммуникации ранних кочевников Центральной Азии // Скифия и Сарматия (Материалы Международной научной конференции «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»). М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 159-181.

Новоженев В.А. Наскальные летописи Золотой степи: модель коммуникации населения в древности и средневековье. Алматы: Международный Центр сближения культур, 2020. Т. 1. 780 с.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М., 1994.

Пьянков И.В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. 736 с.

Пьянков И.В. Этнокультурные процессы в евразийских степях (конца II – первой половины I тыс. до н. э.) / А.З. Бейсенов (отв. ред.) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социокультур-

турных процессов в степной Евразии. Сборник научных статей, посвящённый памяти археолога К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2015. С. 233-243

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1953. 343 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Наука, 1960. 385 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПб гос. ун-та, 1994.

Савинов Д.Г. Карасукские традиции и аржано-майэмирский стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея: Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПб гос. ун-та, 2002. 257 с.

Самашев З. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 194 с.

Самашев З. Древнее искусство. Алматы: Елнур, 2013. Т. 1. 240 с.

Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II – I тыс. до н. э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск: Рифей, 2003а. 68 с.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени в восточной части степной Евразии // Степная цивилизация восточной Евразии. Астана, 2003б. Т. I.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. университета, 2007. 274 с.

Таиров А.Д. Кочевники Южного Урала, Северного и Центрального Казахстана (VII–V вв. до н. э.) // Материалы научно-практической международной конференции, посвящённой 550-летию образования Казахского ханства. Петропавловск: Изд-во Северо-Казахстанского гос. ун-та имени М. Козыбаева, 2015. С. 68-71.

Таиров А.Д. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII-VI вв до н. э. Астана, 2017.

Тасмагамбетов И.Н. Кулпытас. Астана: Фонд Берел, 2001. 392 с.

Тасмагамбетов И.Н. Кентавры Великой степи. Алматы: Фонд Берел, 2003. 487 с.

Хабдулина. М.К. Каменное изваяние сакского времени из Центрального Казахстана / А.З. Бейсенов (отв. ред.) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социокультурных процессов в степной Евразии. Сборник научных статей, посвящённый памяти археолога К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2015. С. 372-375.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972.

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1984.

Членова Н.Л. К вопросу о центральноазиатской гипотезе происхождения скифов: дата оленных камней Монголии // Древность: историческое значение и специфика источника. Тезисы докладов конференции, посвященной памяти Э.А. Грантовского. М., 1996. С. 125-127.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М.: Институт археологии РАН, 1997.

Чугунов К.В. Искусство раннесакского времени Тывы и Казахстана: опыт сравнительного анализа и хронологии / А.З. Бейсенов (отв. ред.) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социокультурных процессов в степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии имени А. Х. Маргулана, 2015а. С. 389-404.

Чугунов К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. Труды ГЭ. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015б. Т. LXXVII. С. 457-486.

Чугунов К.В. Торевтика азиатских номадов и Древний Восток: к вопросу об одном из компонентов искусства Аржана-2 // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. М., 2016. С. 242-247.

Шер Я.А. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство / Отв. ред. А.И. Мартынов, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич и др. Кемерово: Издательство Кемеровского университета, 1980. С. 344-346.

Шульга П.И. Особенности расположения оружия на оленных камнях и в погребениях могильника Юйхуанмяо (Северный Китай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Вып. 3. С. 298-306.

Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в северном Китае (VII-VI века до нашей эры). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2015а. 304с.

Шульга П.И. Скифоидные культуры на территории Китая в VIII – VI вв. до н. э. / А.З. Бейсенов (ред.) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этно-социокультурных процессов в степной Ев-

разии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога К.А. Акишева. Алматы: Институт археологии имени А.Х. Маргулана, 2015б. С. 419-428.

Шульга П.И. Колесничество и верховая езда у скифоидного населения Северного Китая (культура янлан) // МАИАСП. 2023. № 15. С. 635-651. DOI: 10.53737/1468.2023.57.53.023

Шульга Д.П., Шульга П.И. Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. №25. С. 649-656.

Beisenov A.Z., Svyatko S.V., Kassenalin A.E., Zhambulatov K.A., Duisenbai D., Reimer P. J. First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period) // Radiocarbon. 2016. No. 58. P. 179-191.

Yang Jianhua, Huiqi Shao and Ling Pan. The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe. The Formation of the Xiongnu Confederation and the Silk Road. Singapore: Springer, 2020. DOI: 10.1007/978-981-32-9155-3_1

Kovalev A.A., Erdenebaatar D., Rukavishnikova I. V. A Ritual Complex with Deer Stones at UushigiinUvur, Mongolia: composition and construction stages (Based on the 2013 Excavations) // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2016. No. 44 (1). P. 82-92.

Legrand S. Karasuk Metallurgy: Technological Development and Regional Influence // Linduff K. M. (ed.) Metallurgy in Ancient Eurasia from the Urals to the Yellow River. Lewiston-Queenston-Lampeter: Edwin Mellen Press, 2004. P. 340-357

Legrand S. The emergence of the Scythians: Bronze Age to Iron Age in southern Siberia // Antiquity. 2006. No. 80/310. P. 843-879.

Legrand S. Sorting Out Men and Women in the Karasuk Culture // Linduff K.M. and Rubinson K.S. (eds.) Are All Warriors Male? Lanham: Altamira, 2008. P. 153-174.

Novozhenov V.A. Whence did the Cimmerians Come? Transcontinental Communications of the Early Nomads in the Lights of the Origin of the Cimmerians // Journal of Historical Archaeology & Anthropological Science. 2017. No. 3(1). P. 00058. doi:10.15406/jhaas.2017.03.0005.

Novozhenov V.A. Rock Art Chronicles of Golden Steppe: Model of Communication in Antiquity and Early Middle Ages. In two volumes. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. Vol. 1-2.

Novozhenov V.A. Between Persia and China: Whence the Cimmerians Came? In: Research Developments in Arts and Social Studies.

/ B.K. Kayode (ed.). London: BP International, 2022. Vol. 1. Chapter 6. P. 44-97 DOI:10.9734/bpi/rdass/v1/15427D

Rogozhinski A.E., Yatsenko S.A. The Ancient Tamga-signs of South-East Kazakhstan and Their owners: The Route from East to West in the 2nd century BCE – 2nd century CE // *The Silk Road*. 2015. No. 13. P. 109-125.

ҚАЗАҚ ДАЛАСЫ – ЕРТЕ КӨШПЕНДІЛЕРДІҢ АҢ СТИЛІНІҢ ОТАНЫ?

Аннотация. Скиф-сақ аң стилі, оның таңғажайып, фантазмагориялық бейнелері және олардың Еуразия континентінің кең аумағындағы синхронды ескерткіштерде аумақтық таралуы – осы кезеңдегі ерте көшпенділердің дамыған трансконтинентальды бейнелеу және шын мәнінде бейнелі және бейнелі байланыстарының айқын дәлелі. Бұл стильдің пайда болу құбылысы және оның географиялық таралуы, бейнелер мен коммуникативтік жолдаулардың декодталуы қазақстандық ескерткіштерде де өз бастауын табады, қола дәуірінің жергілікті бейнелеу дәстүрлерінде өзінің сабақтастығын, өзіндік ерекшелігін және бастауын айқын көрсетеді.

Түйін сөздер: петроглифтер, мүсіндік мүсіндер, бұғы тастары, мүйізі бар бетперде киген кон, шанжундар, қасқыр-айдаһарлар, Бетпақдала, қарасұқ бейнелеу дәстүрі, Беғазы-Дәндібай мәдениеті.

ON THE ORIGIN OF THE ANIMAL STYLE IN THE KAZAKH STEPPE

Abstract. The Scythian-Saka animal style, its bizarre, phantasmagoric images and their territorial distribution in synchronous monuments on the vast territory of the Eurasian continent are an evidence of the developed transcontinental pictorial, symbolic and figurative communications of early nomads in this period. The phenomenon of the origin of this style and its geographical distribution, decoding of images and communicative messages obviously finds its origins in Kazakhstani monuments, clearly demonstrating its continuity and origins in the local pictorial traditions of the Bronze Age.

Keywords: petroglyphs, statuary sculptures, deer stones, horses in masks with horns, shan-zhuns, wolf-dragons, Betpakdala, Karasuk pictorial tradition, Begazy-Dandybaev culture.